

A close-up portrait of Vladimir Zhirinovskiy, a middle-aged man with light brown hair and blue eyes, wearing a dark grey suit, a light blue shirt, and a patterned tie. He is pointing his right index finger towards the viewer with a slight, knowing smile. The background is a solid dark blue.

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВ

МАКСИМ АНДРЕЕВ

ПОБЕЖДАЙ ЧТО БЫ ТО НИ БЫЛО!

НЕИСТОВЫЙ ЖИРИНОВСКИЙ

политическая биография лидера ЛДПР

**Максим Александрович Андреев
Александр Радьевич Андреев
Неистовый Жириновский.
Политическая
биография лидера ЛДПР
Серия «Эти невозможные люди»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17695958

*Неистовый Жириновский. Политическая биография лидера
ЛДПР. / А.Р. Андреев, М.А. Андреев: Центрполиграф; Москва; 2016
ISBN 978-5-227-05786-0*

Аннотация

Книга московских историков-генеалогов Александра и Максима Андреевых, не раз общавшихся с героем их работы, подготовлена к семидесятилетию знаменитого российского политика Владимира Вольфовича Жириновского, непосредственного участника многих судьбоносных для России исторических событий. Авторы подробно рассказывают о полной истинного драматизма биографии руководителя самой старой партии РФ. В издании публикуются теоретические и философские работы В.В. Жириновского о русской идее, культуре и искусстве России.

Содержание

Предисловие в цитатах	4
Часть первая	6
Дождь в день рождения. Созидание характера. 1946–1964 годы	6
В столице. Схватка за диплом. Двадцать лет одинокчества. 1964–1984 годы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр и Максим Андреевы Неистовый Жириновский. Политическая биография лидера ЛДПР

Предисловие в цитатах

Нам следует прекратить играть на чужом поле по чужим правилам.

*** * ***

Моя харизма – в моей естественности.

*** * ***

Всегда нас, ярких политиков, шельмуют.

После войны было очень много фильмов про войну. Мимо дома шли солдаты, двигалась армия, кавалерия. Поэтому сначала я хотел стать военным, как и многие мальчишки. Потом появилось желание стать следователем, дипломатом. Я хотел быть учителем, и философия меня привлекала, а в конечном счете я занимаюсь всем, вместе взятым.

Все совпало. Все сомкнулось.

Все, чего я достиг в жизни, мне пришлось добиваться самому, без посторонней помощи, полагаясь исключительно на свои силы, волю, упорство, способности. Поэтому я имею право считать себя таким, как все, и могу прямо и честно смотреть людям в глаза. Служению России я посвятил свою жизнь.

В.В. Жириновский

Часть первая

Как становятся лидерами

Дождь в день рождения. Созидание характера. 1946–1964 годы

У Ивана Ивановича Макарова, прадеда Владимира Вольфовича Жириновского, было двое детей – сын Павел и дочь Люба, родившиеся в уездном городе Краснослободске, красивейшем месте Пензенской губернии, что расположено на левом берегу реки Мокши, притока Оки.

Поселение Красная Слобода, построенное как укрепленный пункт оборонительной линии Московского царства от татар и ногайцев, известно с 1571 года. К середине XVII века слобода потеряла свое оборонное значение, но продолжала расти. В конце XVII века казацкое население насчитывало около трех тысяч человек, живших в 700 дворах. С 1706 года Красная Слобода – город. С 1780 года получила название Краснослободск и статус уездного города Пензенской губернии. Развитию Красной Слободы помогли работавшие там чугунные и железоделательные заводы купцов Миляновских. Не обошлось и без винокуренных заводов. С первой половины XIX века Краснослободск – торгово-пере-

валочный центр. Через пристань на Мокше вниз по Оке до Мурoma везли на судах хлеб, сало, поташ.

Старая крепость сгорела в 1817 году во время большого пожара, после которого Краснослободск был практически заново отстроен по регулярному плану с широкими прямыми улицами. Город славился фруктовыми садами: даже в утвержденном в 1781 году императрицей Екатериной II гербе Краснослободска «в серебряном поле – две перекрещенные сливовые ветви с плодами в знак изобилия здешних мест сливами».

Дед будущего лидера ЛДПР родился в 1879 году в Лаушках, пригороде Краснослободска. Макаровы крестьянствовали, единственный сын помогал отцу вести хозяйство. Его женой стала Фиона, четвертый ребенок в семье Никифора Николаевича и Марии Евграфовны Сергучевых. Три ее брата, Николай, Андрей и Алексей, работали на Московском монетном дворе чеканщиками. В шестнадцать лет Фиону попытались выдать замуж за человека намного старше ее, и будущая бабушка Жириновского убежала прямо со свадьбы – случай в русской деревне того времени уникальный. С характером была Фиона Никифоровна.

Шестнадцатилетняя девчушка работала в Краснослободске в прислугах. Там ее и встретил Павел Макаров, отслуживший срочную службу в армии и работавший в городе подмастерьем. Свадьба состоялась до 1906 года. У Павла и

Фионы родилось пятеро детей – сыновья Петр, Василий и дочери Валентина, Анна и Александра. Семья переехала в Саратов, потом в Астрахань. Мать Владимира, Александра Павловна, родилась в 1912 году.

Вскоре семья осталась без отца – солдат Павел Иванович Макаров умер в 1919 году в Рузаевке в эпидемию тифа, болезни Гражданской войны. На руках у Фионы Никифоровны осталось пятеро детей. Через двадцать пять лет ее дочь Александра оказалась в подобной ситуации.

Спустя время Фиона Никифоровна вышла замуж за вдовца с четырьмя детьми. В годы НЭПа – новой экономической политики, проводимой пришедшими к власти большевиками, – многодетная семья открыла домашнюю столовую. В результате Фиона Никифоровна с мужем оказались в ссылке на Соловецких островах, где глава семьи вскоре умер.

Дети остались без родителей, беспризорничали, потом переехали к дальним родственникам. Старшая, Валентина, в Рузаевке вышла замуж и переехала в Алма-Ату. Дочь Саша училась в балетной школе в Пензе, но – только год. В 1928 году, в шестнадцатилетнем возрасте, она вышла замуж за сотрудника ОГПУ, тогдашних органов государственной безопасности. Семья постоянно переезжала на новые места службы мужа Александры Павловны, Андрея Васильевича Жириновского, служившего то в Сасово, то в Сызрани, то в Ленинграде. В семье было пятеро детей – Юрий, Александр, Вера, Надежда, Любовь. Забот было множество, и мать Вла-

димира Вольфовича образования не получила. Фиона Никифоровна после ссылки некоторое время жила в Москве, работала в Ботаническом саду. Забрав детей, Петра, Василия и Анну, в 1939 году она переехала в Алма-Ату, где и прожила до 1960 года.

Перед Великой Отечественной войной семья Жириновских жила в Ленинграде. Андрей Васильевич руководил транспортным отделом НКВД на Октябрьской железной дороге – отвечал за безопасность правительственной трассы Москва – Ленинград. Заболевшего туберкулезом, его перевели в Алма-Ату, в сухой климат, но прослужил на новом месте А.В. Жириновский недолго: за потерю служебных документов его уволили из органов. На новую работу его устроил родственник жены – начальником лесного отдела управления Туркестано-Сибирской дороги.

Жириновские жили в трехкомнатной квартире, во время войны ставшей коммунальной. В шестнадцатиметровой спальне с трудом нашлось место для семерых членов семьи. В 1942 году Андрей Васильевич тяжело заболел, лежал дома. Иногда к нему приходил его сослуживец Вольф Эйдельштейн.

В.В. Жириновский писал: «В Алма-Ату Эйдельштейн приехал с польским паспортом, который получил еще в 1920 году. А когда в 1939 году в Польшу вошли советские войска и на ее украинских землях установилась советская власть,

Вольфу не успели дать новый, советский паспорт. Все поляки приехали со справками, и все приехали в чем мать родила. Ничего не успели взять с собой! Отец ходил в чьей-то гимнастерке. Моя мать паспорта отца не видела. Из разговоров мать поняла, что это были польские евреи, которые оказались в Казахстане в 1940 году. В армию Вольфа не взяли по зрению, и он все пять лет – с 1941 по 1946 год – работал на железной дороге – Турксибе».

Первоначально Вольф Эйделъштейн попал в ссыльно-трудовой лагерь. Потом с помощью брата, выехавшего с ним из Ровенской области, он получил статус свободного поселенца и устроился в лесной отдел Турксиба, к А.В. Жириновскому.

В июле 1944 года Андрей Васильевич умер от туберкулеза в Алма-Атинской железнодорожной больнице. Александра Павловна осталась с пятью детьми и без средств к жизни, без специальности, без работы – в 32 года, так же, как в свое время ее мать, Фиона Никифоровна.

Вольф Эйделъштейн не перестал приходить к Жириновским. В.В. Жириновский писал:

«Общение с Вольфом отвлекало маму от горьких мыслей, вселяло надежду, что она справится с тяготами жизни. Так они сблизились, решили соединить свои судьбы и в 1945 году поженились. «Я долго колебалась, – рассказывала мама родственнице, – он еще не был женат, а у меня пятеро детей. Но он был очень настойчив. И мы поженились». От Вольфа

Александра Павловна ждала ребенка. Она не только привязалась к Вольфу, но и полюбила его.

Но ее ждала новая трагедия. Как гром среди ясного неба ударила новость о том, что Вольф покидает ее, уезжает на свое довоенное место жительства. По международным соглашениям, он должен был вернуться в послевоенную Польшу, в которой имел гражданство с 1920 года. И вот как раз в день рождения своего сына Владимира Вольф Эйдельштейн покидал Алма-Ату и Советский Союз».

Только в 2006 году Владимиру Вольфовичу Жириновскому удалось восстановить историю жизни своего отца.

Вольф Эйдельштейн родился 25 апреля 1907 года в городе Костополь, на Ровенщине, на Западной Украине.

Семейство Эйдельштейн (по-русски – «Счастливый камень») проживало в Костополе с середины XIX века. Дед будущего лидера ЛДПР Ицхак Авраамович Эйдельштейн родился в Костополе в 1880 году, местечке, где в сотне дворов проживали 800 человек. В 1905 году Ицхак Авраамович с партнерами основал в местечке деревообрабатывающую фабрику, производившую мебель и стройматериалы. Ицхак Эйдельштейн был главой еврейской общины Костополя, пользовался уважением в городке, а продукция его фабрики была известна далеко за пределами Костополя. У Ицхака и его жены Ривки родилось трое детей: Роза – в 1903 году, Вольф – в 1907 и Арон – в 1911. Вольф учился в гимназии

«Таргут» в городе Ровно, известном с 1282 года как город Галицко-Волынского княжества.

После поражения Российской империи в Первой мировой войне, Октябрьского переворота 1917 года и распада государства Украина ненадолго стала независимой. На ее территории оказались войска кайзеровской Германии. Заняли они и Костополь, в котором в 1918 году сожгли фабрику Эйдельштейнов.

По Рижскому миру 1921 года Западная Украина, а значит, и Ровно с Костоподем, вошли в состав Польши. Эйдельштейны, теперь граждане Польши, восстановили фабрику, ставшую работать и на экспорт. В 1925 году Костополь стал поветовым¹ центром. В том же году Вольф Эйдельштейн поступил на коммерческое отделение юридического факультета Гренобльского университета Изерского департамента Франции. После юридического Вольф получил и агрономическое образование, с 1925 по 1933 год. Некоторое время отец В.В. Жириновского занимался бизнесом во Франции, потом вернулся в Костополь.

В 1939 году на Западную Украину вошла Красная армия, и Ровно, как и все западноукраинские земли, вошел в состав СССР. Перед нападением Германии на СССР Вольф и Арон были эвакуированы в Алма-Ату, а их родители, дочь Роза и внучка Люба остались в Костополе. Летом 1941 года фаши-

¹ Средняя административно-территориальная единица в Польше.

сты заняли Украину. В августе во время уничтожения евреев Костополя гитлеровцы убили Ицхака, Ривку, Розу и Любу Эйдельштейн.

Владимир Жириновский родился дождливым вечером 25 апреля 1946 года под стук колес поезда, навсегда увозившего его отца. Перед отходом поезда Вольфу успели прокричать о рождении сына.

В июне 1946 года Александра Павловна поехала в Варшаву – показать трехмесячного Вову отцу. В.В. Жириновский писал: «Мама долго, недели две добиралась до Варшавы. Столько же и прожила в столице Польши. Вольф предлагал ей остаться, однако она не захотела, ибо была настоящей русской женщиной, патриоткой. Но главное – пятеро детей ждали ее, она не могла их бросить. Александра Павловна звала мужа вернуться с ней в Россию. Он колебался. А в советском посольстве в Варшаве ей сказали, что ее пустят обратно в Советский Союз, а его нет. Таковы были установки в те времена».

Александра Павловна вернулась в Алма-Ату. Полгода они переписывались, и Вольф в сентябре 1946 года написал, что «узнал о том, что в СССР плохо относились к тем, кто переписывался с границей, и, чтоб ее не подводить, он больше писать не будет». Больше они не виделись. Вольф Ицхакович в 1949 году переехал в Израиль, где проработал агрономом двадцать пять лет, закончив трудовую деятельность ру-

ководителем отдела поставок удобрений и химикатов фирмы «Амир» в Тель-Авиве. В 1983 году он попал в автомобильную аварию и через месяц скончался.

В 1949 году Александра Павловна нашла работу в столовой Алма-атинского зооветеринарного института. Это было тяжелое, голодное послевоенное время. Время, когда началась холодная война СССР и Запада. Лидер ЛДПР вспоминал: «Я видел страдания мамы. Я очень ей сочувствовал. Иногда я видел ее слезы: «Мама, почему ты плачешь?» А она отвечала: «Вырастешь, сынок, потом поймешь».

Город Алма-Ата, где Владимир Жириновский прожил восемнадцать лет, занимая одну комнату в трехкомнатной квартире, сейчас столица суверенного Казахстана. Город был основан как русское военное укрепление Заилийское на месте разрушенного казахского поселения Алматы-Яблоневое. В 1867 году поселение было переименовано в город Верный, ставший в Российской империи одним из мест политической ссылки. В 1921 году город получил название Алма-Ата, с 1929 года стал столицей Казахской Автономной Советской Социалистической Республики, с 1936 года – Казахской ССР.

С. Плеханов, автор книги «Жириновский: кто он?», вышедшей в Москве в 1994 году, писал:

«Русские, населявшие города азиатской окраины импе-

рии в царские годы, представляли собой местную элиту. Они чувствовали себя хозяевами на недавно присоединенных землях. Положение в корне изменилось после большевистского переворота 1917 года. В двадцатые годы и позже сюда приезжали в основном люди, которым голодно жилось в Центральной России, обескровленной коммунистическими экспериментами. Сюда выселялись представители интеллигенции, которые уже в силу своего статуса не могли чувствовать себя здесь хозяевами. Приоритет коренной нации неустанно подчеркивался коммунистическим руководством.

На плечах русских держалась вся система образования, вся промышленность, все городское хозяйство. Русскими были созданы зачатки местной науки, основаны первые театры, здравоохранение, но никогда русский, родившийся здесь, не мог претендовать на подлинное развитие своих талантов.

Замызганные синие халаты, подпоясанные женскими платками, еще более замызганные тюбетейки, мягкие кожаные сапоги с остроносими галошами. Верблюды, медленно переступающие по пыльным улицам. Седая от пыли зелень огромных акаций, раскинувших свои ветви над арыками, журчащими холодной водой. Бледно-голубое безоблачное небо, на котором нестерпимо сияет свирепое азиатское солнце. Крикливые шумные базары, над которыми клубится пыль, поднятая тысячами ног. Крик ишаков, призывы торговцев, запах мяса из казанов, смешанный с дымом, арбуз-

ные и дынные корки, разбросанные там и сям. В отличие от казаков, переселявшихся сюда в конце XIX и начале XX века и наделявшихся землей, переселенцы советской эпохи были практически отделены от природы, от земли. Земля и ее блага воспринимались здесь как исключительная собственность коренной нации, а русский переселенец, человек почти всегда сугубо городской, оторванный от животворной связи с деревней, с землей, воспринимал свою жизнь здесь как некую пересадку на пути к настоящему бытию».

Маленький Володя был определен в шестидневные круглосуточные ясли и жил в комнате с еще двадцатью детьми. Он позднее вспоминал: «Помню круглосуточные ясли. Мне три года. Нянечка ушла – все спят. На улице дождь. Мне страшно. Первая мысль, почему меня отдали сюда? Пять дней без родителей! Я очень боялся, особенно по ночам. Витаминов не было, всех поили рыбьим жиром. Большая трехлитровая банка, общая столовая ложка, и мы все в очереди стоим. Я тогда думал: «Почему всем? Почему из одной ложки? Кто-то кашляет, кто-то больной, а мы из одной ложки рыбий жир пьем. Вот так все это на меня действовало».

После яслей Володя до шести лет пробыл в детском саду: «Игрушки – я всегда брал поломанную машинку. Я один с ней, и она моя. Другие пятеро хотят играть с целой машинкой, они берут ее за веревочку, ссорятся. А я с поломанной, но я один. Вот такое социальное восприятие. Я все запомнил с детства, когда нарушались мои права. Когда ребенку

хорошо, он становится инфантильным, он не видит общество, он не замечает процессов, он не может анализировать. Конфету съел, игрушку взял. А у меня ничего нет! Почему я бедный? Почему у меня нет свободы? Меня даже из детского сада исключили: неуправляемый был, спорил с воспитателями: «Не хочу играть с этой игрушкой – она поломана». Для воспитательниц это было невыносимо. И они взмолились, чтобы меня забрали. В итоге лето я гулял дома, а потом в школу пошел. Дома я был предоставлен сам себе. Летом с друзьями мы часто лазили по садам, рвали яблоки, груши, сливы, вишни – это было дополнительное питание. Дома у меня не было не только детского уголка, но не было ни игрушек, ни детских книжек. Мама любила читать «Американскую трагедию» Теодора Драйзера, «Королеву Марго» Александра Дюма. Я мало что понимал, но мне хотелось читать, и за неимением детских книжек я читал книги для взрослых».

В сентябре 1953 года Владимир Жириновский пошел в школу, одну из лучших в Алма-Ате: в ней учились дети казахской элиты. Ему повезло с первой учительницей – Марией Петровной Семисаловой, показавшей ему, что мир не замыкается на трех улицах азиатского города, а красив и величественен и непознаваем до конца. И еще мир непредсказуем и жесток.

Будущий заместитель Председателя Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации вспоминал:

«И вот я шел после первого урока, где-то часов в двенадцать домой. Никто меня не ждал дома. Я положил свой новый портфель, снял новый костюм. Это первый костюм, такой беленький кителек с пуговками, вроде того, какой был у моряков или железнодорожников, брючки. Это мама где-то достала немного материала и сшила мне на соседской машинке костюмчик.

На барахолке мне покупали одежду с тех, кто вырос из нее, или с умерших. В любом случае одежда была старая, поношенная, чья-то чужая. Зимы были относительно суровыми, до -20°C , а у меня плохая обувь, никогда не было теплых ботинок, валенок, приличного костюма. И не было у меня никакой радости от этого первого дня учебы. Никто не проводил меня в школу, никто не встретил.

Маме всегда было некогда, она работала. Я спал, когда она уходила на работу, и уже засыпал, когда она возвращалась с работы, никогда я ее не видел подолгу. Я всегда был голоден. После школы я шел к маме на работу и ждал, когда ей удастся принести мне обед. Она делала это украдкой, потому что не положено было. Пища была отвратительная. Мама просила у повара тарелку супа, какие-нибудь «ржавые» котлеты. Иногда и этого не получалось. Поэтому все воспоминания о детстве связаны у меня с постоянным недоеданием».

В школе Владимир Жириновский оказался замечен, был санитаром, старостой класса, вступил в пионеры, его выбрали звеньевым, председателем совета отряда. В 9-м и 10-м

классах был комсоргом, работал в комитете комсомола, как главный редактор делал школьную газету, собирал металлолом – «во всей общественной жизни участвовал».

Владимир разводил кроликов, голубей, сам пытался научиться играть на фортепиано, играл на домре в духовом оркестре и оркестре народных инструментов Дома пионеров, – «когда я во всем этом участвовал, я делал все чуть быстрее, чуть сильнее, чуть больше, и это делало меня маленьким лидером».

Владимира избрали председателем школьного рационализаторского бюро – он вносил рацпредложения. В школе появилась возможность много читать – книги по философии, истории, позже по экономике, – «...стал задумываться, что происходит в моем городе, в республике, стране; я не стеснялся спрашивать, и чем больше было вопросов, тем настойчивее хотелось найти на них ответы». Одной из любимых книг будущего геополитика стала «Моцарт и Сальери» из «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина – «веками Моцартам, слышащим иные звуки, угрожают, завидуют и мстят подлые, бездарные Сальери, для которых нет ничего святого, даже Бога; они не боятся Бога, вот и творят зло на земле». Чтобы получать больше информации, Владимир провел в дом радио – сам подключил его к проводам. В школе занимался гимнастикой, борьбой, фехтованием, стрельбой, научился плавать.

Учитель истории Серафима Филатовна вспоминала: «Во-

лодя много читал дополнительной литературы по истории государства, имел свою точку зрения на многие, не по возрасту интересующие его вопросы. Много спорил с учителями. Но при всей своей горячности, категоричности, иногда и вспыльчивости, никогда не позволял выпады в сторону педагогов. Никаких унижений, оскорбительного тона, грубости ни с друзьями, ни с преподавателями не было. Порядочным всегда был. И умным».

В старших классах Владимир часто спорил с учителями. Некоторые из учителей считали это неприемлемым – самостоятельных и пытливых власти или «косящие под власти» в России не любили. Его трижды на несколько дней исключали из школы.

В школе Владимир получил и рабочую специальность – с 8-го класса все ребята два из пяти учебных дней ходили учиться на завод на автослесарей.

В школьные годы Владимир побывал в Москве, Ленинграде, на Черном море. Денег у мамы не брал, на поездки зарабатывал сам.

По окончании школы Владимир Жириновский получил аттестат, в котором было 13 четверок и 5 пятерок. Он решил поступать в МГИМО или МГУ.

Будущий «заслуженный юрист Российской Федерации» вспоминал: «Самое первое мое желание – стать офицером. Тогда очень много выходило фильмов про войну, и воен-

ная тематика подталкивала меня к тому, чтобы стать офицером, меня потянуло к юридической специальности, захотелось стать следователем. И наконец, третья направленность – стать дипломатом: меня интересовала внешняя политика. Мне хотелось получить должность, которая отличалась бы своим размахом, масштабностью: например, преподаватель – у тебя много студентов, слушателей, и ты им помогаешь что-то постичь, познать жизнь. Или вот дипломат – это внешняя политика, ты выступаешь от имени страны. Когда окончил 11-й класс, уже твердо решил пойти по международной линии. Узнал, какие есть вузы – МГИМО, Институт восточных языков при МГУ. Мне сразу сказали, мол, в МГИМО ты не поступишь, там дети элиты, все экзамены нужно сдать на пятерки, лучше МГУ. Он более демократичный».

3 июля 1964 года Владимир Жириновский приехал в Москву поступать в Институт восточных языков при Московском государственном университете – ныне Институт стран Азии и Африки. Он подал документы, но их не приняли: в «Справочнике для поступающих в вузы» не было указано, что для поступления в ИВ Я нужна рекомендация райкома ВЛКСМ по месту окончания школы. Ехать назад за рекомендацией не было ни времени, ни денег. Кто мог помочь заочно взять рекомендацию райкома комсомола за тысячи километров от Москвы?

Только мать. И она помогла.

В столице. Схватка за диплом. Двадцать лет одиначества. 1964–1984 годы

Александра Павловна сумела получить рекомендацию районного комитета ВЛКСМ и передала ее сыну в Москву. Владимир успел сдать документы в Институт восточных языков при Московском государственном университете. Конкурс составил три человека на место. Сдав пять экзаменов, Владимир стал студентом и получил место в общежитии. Стипендия составляла 35 рублей, 30 рублей высылала мама – и на 65 рублей в месяц студент Жириновский прожил в Москве все годы учебы. На втором курсе учебы он уже получал повышенную стипендию – 47 рублей в месяц, – стал старостой группы, на четвертом курсе – комсоргом, секретарем комсомольского бюро своего курса.

Основатель ЛДПР позднее писал:

«Я приехал в Москву как раз в год, когда снимали Хрущева. В сентябре я поступаю в вуз. Узнаю, что он лично требовал, чтобы в вузы Москвы принимали бедных и из провинции. И мне сказали в приемной комиссии, что мы тебя зачисляем, потому что Хрущев потребовал. Я сдал экзамены, и мне сказали, что по твоим экзаменам мы определили проходной балл, чтобы отчитаться наверху, что у нас есть хоть

один бедный. И действительно, у меня в группе был сын генерала, сын члена ЦК КПСС, заместителя председателя ГК-ЭС, замминистра иностранных дел, в общем, вся номенклатура.

В Москву, столицу Советского Союза, я прибыл с окраины. Если не из захолустья – все-таки Алма-Ата главный город большой республики, – то, в сущности, из провинции. Здесь люди более открыты, более искренни и радушны. И я не знал, что в Москве в ходу свои столичные правила этикета: особо не высовываться, пока тебя не спросят, не позовут, разговаривать негромко, лучше помалкивать и слушать других, более опытных, крепко стоящих на земле, занимающих положение в обществе.

Я же, оказавшись в Москве, по-провинциальному рубил правду-матку. Невзирая на чины, авторитеты, возраст собеседника. Конечно, не везде и не всегда меня понимали и принимали. Люди морщились, отворачивались от несносного парня, корчили рожи. Но я будто бы и не замечал всего этого. Мне хотелось проявить себя, показать, что я тоже хоть и провинциал, но не лыком шит. Это качество так и утвердилось в моей натуре. А позже весьма пригодилось».

В 1967 году Владимир Жириновский параллельно закончил факультет международных отношений Университета марксизма-ленинизма – его всегда интересовала внешняя политика. В марте этого же года он направил письмо в ЦК

КПСС с обоснованием необходимости проведения реформ в стране. На меньшее он был не согласен. Его рекомендации затрагивали образование, сельское хозяйство, промышленность. Студент третьего курса предлагал руководству страны для подъема сельского хозяйства набирать в вузы сельскую молодежь, не призывая ее в армию: на селе нужно много людей с высшим образованием, выше образование – выше урожай. Через месяц его пригласили в отдел вузов МГК КПСС и объяснили, что это «невозможно, нереально и не нужно».

В декабре 1967 года Владимир участвовал в диспуте на физическом факультете МГУ «Демократия у нас и у них». В частности, он спросил аудиторию, можно ли назначать директором обязательно участника войны, ведь он может оказаться непрофессионалом или просто дураком. За год до этого в составе студенческого строительного отряда Владимир первый раз побывал за границей – в Венгрии. В дискуссии было видно, что ему больше нравилась демократия там. О его начавшейся политической активности донесли ректору ИВ Я, и он вызвал студента на беседу. На этот раз пронесло, оргвыводов не последовало.

На 5-м курсе студенты Института восточных языков проходили практику. Владимира сначала направили стажером в Радиокomitee, а в апреле 1969 года – стажером-переводчиком в Турцию от Госкомитета по внешним экономическим связям. Внешнеторговые объединения «Тяжпромэкспорт»

и «Нефтехимпромэкспорт» строили металлургический комбинат в городе Искендероне и завод по производству серной кислоты в городе Бандырма. В Турции с дипломником Жириновским приключился случай, испортивший ему советское будущее, закрывший доступ в аспирантуру, МИД, КПСС. Владимир был арестован, ненадолго даже попал в турецкую тюрьму, и на следующий день, после вмешательства советского посольства, был выслан из страны. Турецкие спецслужбы утверждали, что В. Жириновский собирал вокруг себя турецких рабочих-строителей и вел среди них «беседы о преимуществах коммунизма», а в Турции тогда была запрещена деятельность коммунистических партий.

Лидер первой антикоммунистической партии Советского Союза позднее писал: «Маленький провинциальный город в Турции, русских двое – я и инженер. А в городе есть отдел тайной полиции. Начальник отдела работал там уже тридцать лет и за все это время ни одного шпиона, ни одного проишествия по политическим делам. А ему скоро уходить на пенсию и хотя бы благодарность за работу получить. Он не понимал, что я просто переводчик, и думал, что я лейтенант КГБ. То, что русский знает турецкий язык, для него было дикостью. Он все время наблюдал за мной и, как только я подарил ребятам-туркам значки, которые купил в аэропорту Шереметьево, тут же обвинил меня в коммунистической пропаганде. Среди значков был значок с портретом Пушкина, так они его приняли за молодого Маркса – бакенбарды

подвели. Значок с Москвой – понятно: звезды на кремлевских башнях. Все это в совокупности и называли коммунистической пропагандой. Тогда для меня это было сильным потрясением: арестовали, посадили в какой-то их аналог следственного изолятора, обвинили в пропаганде. А по турецкому уголовному кодексу за коммунистическую пропаганду полагается двадцать лет тюрьмы».

Потом это «происшествие» обросло легендами, по которым В. Жириновский то ли просидел семнадцать дней в тюрьме, то ли два месяца находился под домашним арестом – «всегда нас, известных политиков, шельмуют».

В СССР алма-атинского студента чуть не приняли за вольнодумца, в Турции – за апологета советской власти. Впрочем, турецкие спецслужбы всегда славились своим «мастерством».

В 1970 году В.В. Жириновский написал дипломную работу о творчестве турецкого писателя Саида Фаика, получил диплом с отличием и был «распределен» в Советскую армию. На память об учебе ему остались и летние поездки в студенческие лагеря – в Пицунду, Анапу, Гурзуф, Ялту. «Востоковед-филолог, референт-переводчик» со студенческих лет полюбил море.

После окончания Института восточных языков Владимир Жириновский был направлен «в распоряжение Министерства обороны СССР» и два года служил офицером полит-

управления штаба Закавказского военного округа. Молодой лейтенант много ездил по Грузии, Южной Осетии, Армении, читал в частях лекции, готовил агитационные материалы, изучал культуру местных народностей, знакомился с данными по Ирану, Турции, Ближнему Востоку – азами теории и практики геополитика, пропаганды и агитации, разведки, больше узнал об исламе, который изучал в институте.

Владимир Жириновский служил в отделе политуправления, занимавшемся проблемами Ближнего Востока. Офицеры слушали турецкое радио, делали переводы и готовили материалы для руководства. По турецким газетам составляли аналитические отчеты. Лейтенант Жириновский написал аналитический доклад «Политические партии Турции». «Все это смыкалось с моими будущими занятиями, закладывало фундамент более глубоких знаний по Ближнему Востоку. Я был уже специалистом, востоковедом. А теперь пошла практика. То я был в Турции, то на Кавказе, в детстве жил в Средней Азии – все это помогало глубже узнать и проблемы, связанные с мусульманской религией. Грузинская церковь, армянская церковь, курды. Непосредственно я мог их видеть и наблюдать в Закавказье и в Турции. Так что все было полезно».

Об обстановке в Грузии начала 1970-х годов В.В. Жириновский вспоминал: «Когда я там был, там никакой советской власти не было, никакой дружбы народов не было. Была тотальная коррупция. В партию – за деньги. Секретаря рай-

кома партии – за деньги. Бюро собирается, и кто больше даст денег, того избирают первым секретарем райкома КПСС в Грузии. Теневая экономика, подпольные фабрики. Коррупция началась оттуда при советской власти. Распространилась на Армению, Азербайджан, перекинулась на Среднюю Азию, пришла в Москву».

В июне 1972 года В.В. Жириновский вернулся в Москву. Годом раньше, 6 января 1971 года, в отпуске, он женился на Галине Лебедевой, работавшей в Институте вирусологии после окончания биологического факультета МГУ. Денег, скопленных за лейтенантскую службу, хватило на первый взнос за трехкомнатную квартиру в Теплом Стане. 27 сентября 1972 года у Жириновских родился сын Игорь, а в мае 1973 года они переехали в новую квартиру.

Почти сразу же после возвращения из Грузии Жириновский был принят на работу в Советский комитет защиты мира – референтом отдела стран Западной Европы. Одновременно он поступил на вечернее отделение юридического факультета МГУ, в 1977 году получил диплом юриста и специальность «правоведение». Тогда же юрист-востоковед овладел немецким языком – по работе он занимался Бельгией, Швейцарией. Кроме того, он знал турецкий и французский, что и помогло ему найти работу – в Комитете защиты мира не хватало специалистов, знающих иностранные языки. В.

Жириновский работал с делегациями западных стран, приехавшими в СССР, в октябре 1973 года участвовал в проведении Конгресса сторонников мира в Москве, Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине. Общался с большим количеством людей из разных стран, что еще более увеличило его кругозор, геополитические знания.

В.В. Жириновский писал о работе в СКЗМ: «У меня была масса литературы, масса газет, масса иностранцев. Я был всегда связан с границей. Я все хорошо знал, все хорошо понимал. Здесь не было проблем. Я языки учил. Я читал много на иностранном языке».

Через два года работы В.В. Жириновский написал руководству комитета докладную записку – «Предложения о новых формах международных связей Советского комитета защиты мира». На проводах одной из делегаций он ответил на резкое замечание председателя СКЗМ. Руководитель ведомства сказал референту-переводчику: «Если бы я был глупее вас, то вас бы поставили моим шефом», на что получил ответ: «Вас поставили председателем комитета не из-за того, что вы умнее, а из-за того, что вы просто старше». Советская номенклатура таких вещей не прощала. Перспектив на продвижение в СКЗМ у В. Жириновского больше не было. Возможно, их и не было вообще. В. Жириновский был беспартийным, а в стране, где «руководящей и направляющей» была Коммунистическая партия Советского Союза, беспартийных не повышали.

Жириновский пытался вступить в КПСС в институте и в армии, но его не принимали. Позднее он писал: «Я должен молиться, что они меня не приняли. Иначе сегодня мне был бы конец. Я бы сдох с ними. Это страшно было. Вот единственная благодарность коммунистам, что они были такие тупые – умных людей в партию не принимали. Я рад, что они все-таки меня не приняли. Я был слишком резкий для них. Слишком был жесткий, и меня они не взяли. Я благодарен им».

Куратором СКЗМ был секретарь ЦК КПСС Б. Пономарев. После увольнения В.В. Жириновского на его место пришла работать племянница секретаря ЦК.

С января по май 1975 года В. Жириновский работал переводчиком-воспитателем с иностранными студентами в деканате экономического факультета Высшей школы профсоюзного движения ВЦСПС – советских профессиональных союзов. Работа была рутинная, неинтересная, и В. Жириновский оттуда ушел.

«Человек года – 1993» позднее писал: «Я не мог работать там, где хотел. Я и раньше думал о высоких должностях, но это не было у меня какой-то навязчивой идеей или мечтой солдата стать генералом. Просто я видел людей, которые были у власти, видел их окружение, их неспособность руководить страной. Я понимал, что такие недалекие, порой просто глупые люди достигают подобных высот благодаря царившей

в то время системе, которая позволяла им это».

В 1994 году А.И. Белкин писал в книге «Эпоха Жириновского»: «Мир не хотел его принимать, и он не стал спорить, теряя силы в бесплодной борьбе. В ответ он начал строить свой мир».

До постройки своего мира В. Жириновскому из двадцати лет одиночества оставалось еще пятнадцать лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.